

ХАРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ САДЪ

и ЕГО НОВЫЯ ЗАДАЧИ.

Ботаническіе сады, какъ извѣстно, издавна уже составляли необходимую принадлежность университетовъ. Какъ медицина, такъ и научная ботаника требуютъ въ качествѣ пособія при преподаваніи извѣстнымъ образомъ составленной коллекціи живыхъ растений, на которой только и возможно показать тѣ особенности строенія и свойства растенія, о которыхъ приходится говорить съ университетской кафедрой.

Сообразно съ тѣми направленіями, которыя въ разное время господствовали въ названныхъ наукахъ, измѣнялся характеръ и организація такихъ садовъ. Такъ, въ прошломъ столѣтіи большинство садовъ носило характеръ собранія лекарственныхъ, употребляемыхъ въ медицинѣ, растений—какъ бы живую фармакопею. Позже, когда гений Линнея направилъ умы натуралистовъ на систематику органическаго міра, когда ботаника и сестематика растений были понятіями почти тождественными—и университетскіе сады приняли нѣсколько иной, сообразовавшійся съ новыми требованіями науки, характеръ. Стали собирать изъ различныхъ странъ и воспитывать растенія, гоняясь не столько за ихъ красотой и оригинальностью, не столько за ихъ полезными свойствами, сколько за тѣмъ, чтобы имѣть возможно полное собраніе представителей всѣхъ установленныхъ Линнеемъ и его преемниками семействъ растительнаго царства. Растенія эти располагали не соотвѣтственно ихъ росту, потребности въ томъ или другомъ

сортъ почвы или положенія, но ихъ располагали приблизительно въ томъ же порядкѣ и въ той же послѣдовательности, въ какой они находятся въ признанныхъ наукою системахъ, стремясь къ тому, чтобы садъ представлялъ изъ себя, если такъ можно выразиться, живой гербарій—herbarium vivum для систематики. Эстетика здѣсь уходила на послѣдній планъ. Превращая своими этикетками нѣсколько десятинъ земли въ подобіе кладбища съ надгробными надписями, обладатели болѣе роскошныхъ садовъ обыкновенно помѣщали эти т. наз. системы гдѣ-нибудь въ сторонѣ, оставляя остальную часть подъ паркъ, въ расположеніи котораго нѣтъ и тѣни научности. Этотъ типъ садовъ до сихъ поръ еще очень хорошо сохранился въ Южно-Европейскихъ и нѣкоторыхъ французскихъ университетахъ: въ Лионѣ, въ Пизѣ, Неаполѣ, Флоренціи, отчасти въ Женевѣ и даже въ Jardin des Plantes въ Парижѣ. Къ нему приближаются и многіе сады Германскихъ университетовъ.

Со времени господства систематическаго направленія въ ботаникѣ прошло довольно много времени. Наука проложила себѣ новыя пути въ дебряхъ тайнъ растительнаго царства и лучшіе умы служителей ботаники увлеклись въ направленіи, увы, мало благоприятномъ для развитія садоваго дѣла.

Область экспериментальной физиологіи и тайны развитія низшихъ растительныхъ организмовъ сдѣлались моднымъ вопросомъ въ ботаникѣ; сухая же и въ значительной степени исчерпанная область систематики и описанія различныхъ признаковъ высшихъ растений перестала быть привлекательною. Въ то время какъ одинъ за другимъ старѣлись и умирали столпы старой систематической ботаники, на ихъ мѣсто почти не являлось или являлось слишкомъ мало новыхъ, имъ равныхъ. Другія области науки давали болѣе пищи для ума, болѣе возможности дѣлать плодотворныя, эпоху дѣлающія открытія... Физиологу и анатому, сталъ нуженъ матеріалъ для микроскопа и бритвы; специалистъ по споровымъ видѣлъ въ грязной лужѣ для себя гораздо болѣе восхищающихъ его формъ, нежели въ самомъ райскомъ паркѣ—и естественно, что старые садовники, не находя вѣсье или находя слишкомъ мало участія и помощи въ лучшихъ представителяхъ своей *Scientia amabilis* съ грустью замѣчали, что сады ихъ не только не совершенствуются, а приходятъ въ упадокъ, и садоводство дѣлается число практическимъ ремесломъ, болѣе прилич-

нымъ для спекулянта нежели для ученаго... Дѣйствительно за послѣднее время повсюду въ Европѣ не столько университетскіе, сколько городскіе или казенные сады сдѣлали значительный прогрессъ несравненно съ своимъ прежнимъ положеніемъ.

Не поддаваясь вліянію различныхъ вѣяній науки, или поддаваясь имъ лишь весьма слабо, сады эти оставались вѣрны тому древнему стремленію—собрать и расположить красиво возможно большее число изящныхъ и интересныхъ и полезныхъ формъ, которыя мы видимъ еще у героевъ древности и тѣхъ царей Эллады, которые, какъ пѣлъ Гомеръ, стремились собрать въ чудныхъ садахъ своихъ и вьющуюся лозу, и античную маслину, и фиговое дерево, и яблоню, и гранату;—стремленіе, которое и до сихъ поръ въ той же формѣ преобладаетъ у вліятельныхъ лицъ полукультурныхъ народовъ. Весь народъ бухарскій гордится садомъ своего Эмира, собравшаго въ немъ всѣ извѣстные народу этому плодовые деревья и цвѣты; не менѣе чѣмъ Эмирскіе сады въ Бухарѣ посѣщаются Астраханскимъ народомъ нѣкоторые открытые для публики плодовые сады богатыхъ купцовъ, гдѣ пришлый съ сѣвера людъ можетъ глазѣть на то, какъ рдѣтъ виноградъ, растутъ персики, абрикосы, гранаты и др. невиданные ими на родинѣ фрукты.

Въ то время какъ малокультурную массу интересуетъ только прямая утилитарная сторона садоводства—въ городахъ Западной Европы развивается стремленіе познакомиться съ изящѣйшими годными для мѣстной культуры иностранными формами. Толчекъ данный садомъ Кью, который какъ извѣстно представляетъ изъ себя роскошный паркъ, среди котораго живописными группами раскиданы представители чуть не всѣхъ 5 частей свѣта, могущихъ расти на почвѣ Англіи, отразился и на городскихъ садахъ другихъ странъ. Теперь, почти во всѣхъ большихъ городахъ запада вы видите парки поражающіе васъ не только искусствомъ своей распланировки и декоративностью, но тѣмъ громаднымъ разнообразіемъ растительныхъ формъ, которыя тамъ собраны и предложены въ лицѣ хорошо выращенныхъ экземпляровъ и правильно опредѣленныхъ формъ для любознательной публики. Благодаря дѣятельности этихъ садовъ масса деревьевъ происходящихъ изъ Америки, Японіи, Сибири и Австраліи, прельстивъ глаза любителей, нашли себѣ второе отечество въ различныхъ государствахъ Европы.

Лица, разводившія такіе сады и парки, естественно, были далеки отъ цѣлей научной систематики. Вводя деревья, они заботились лишь о томъ, чтобы дать больше интересныхъ красивыхъ формъ, независимо отъ того, къ какому семейству или классу растений онѣ принадлежать.

Однако стремленіе это—обогатить мѣстную флору представителями другихъ странъ, могущихъ выносить климатъ той страны, куда ихъ переносить, идетъ какъ разъ навстрѣчу тому новому стремленію въ біологическихъ наукахъ, широкое поприще которому готовить начавшееся въ нашихъ и заграничныхъ университетахъ стремленіе изучать научное землевѣдѣніе.

Пока растения интересовали ботаника исключительно только съ точки зрѣнія систематики, пока, открывая новый видъ, ученый видѣлъ въ немъ лишь недостающее звено въ построенной имъ системѣ видовъ, географическое распространеніе растений было для него мало интересно.

Совсѣмъ другое значеніе получаетъ оно, когда его мы будемъ разсматривать въ связи съ другими данными землевѣдѣнія.

Съ тѣхъ поръ какъ можно считать за установленный въ наукѣ фактъ, что различныя части материковъ нашихъ имѣютъ древность далеко не одинаковую, что ихъ климаты, равно какъ и другія условія жизни въ нихъ далеко не всегда оставались такими какими они являются въ настоящее время, но что подобно культурамъ различныхъ народовъ, условія жизни въ различныхъ областяхъ имѣютъ свою длинную и очень сложную исторію—результатомъ которой является современная обстановка растительныхъ царствъ—изученіе внѣшности и особенностей жизни естественныхъ типовъ растительности получаетъ особенный интересъ. Въ глазахъ натуралиста различныя роды лѣсовъ, луговъ и степей, въ различныхъ странахъ встрѣчающіеся, подобно различнымъ типамъ государствъ, суть слѣдствіе долгаго вліянія различныхъ условій жизни, ими пережитыхъ, слѣдствіе вторженія и отступленія на ихъ территорію различныхъ мѣстныхъ флоръ изъ представителей которыхъ различнымъ образомъ измѣнившихся и сжившихся сложились тѣ или другіе типы растительности, подобно тому какъ отъ различныхъ народностей подъ вліяніемъ такъ или иначе сложившихся историческихъ условій слагаются разныя государства міра.

И, какъ въ различныхъ государствахъ, одинъ и тотъ же на-

родъ, одно и то же племя, живя подъ различными режимами, испытавъ вліяніе различнаго рода историческихъ условій пережитыхъ его государствами получаетъ различные обычаи, нравы, нерѣдко различный обликъ и темпераментъ, такъ точно различные свойства и не одинаковую виѣшность получаютъ представители однихъ и тѣхъ же родовъ растений, жившіе въ лѣсахъ и степяхъ удаленныхъ другъ отъ друга странъ имѣвшихъ отличную исторію и несходныя современныя условія жизни. Какъ тотъ же самый русскій крестьянинъ далеко не одинаковъ бываетъ по чертамъ своего характера, смотря потому происходитъ ли онъ изъ мѣстности гдѣ господствовало крѣпостное право или оттуда гдѣ его не было, какъ тотъ же славянинъ живя на сѣверѣ Сибири получаетъ и иной обликъ и иную энергію, нежели на югѣ, также точно далеко не одинаковы по своимъ требованіямъ, образу жизни сходныя по своимъ систематическимъ признакамъ виды происходящіе изъ странъ съ различнымъ геологическимъ прошлымъ.

Научное землѣдѣніе, пользуясь данными геологіи даетъ возможность въ настоящее время раздѣлять всѣ земли земного шара на опредѣленное число типовъ странъ, различающихся другъ отъ друга какъ по своей исторіи, такъ и по современнымъ условіямъ жизни въ нихъ.

Представители странъ этихъ, будь то растенія или животныя, являются отраженіемъ этихъ условій, этой исторіи. Какъ среди племенъ и народовъ человѣчества, такъ и здѣсь въ образѣ жизни представителей странъ этихъ можно видѣть всѣ вліянія пережитой ими исторіи. Изученіе этихъ вліяній имѣетъ глубокій научный и практический интересы.

Въ племенахъ человѣческихъ, пережитая ими исторія наложила на нихъ такіе черты и въ характерѣ, и въ способностяхъ, и въ склонностяхъ, что какъ въ государственныхъ соображеніяхъ, такъ и въ частной жизни, эти выработавшіеся черты дѣлаютъ представителей одного племени или одной связанной одинаковой исторіею и одинаковыми условіями жизни группы, для той или другой цѣли болѣе пригодными чѣмъ для другой, обуславливая то процвѣтаніе такой группы, то ея упадокъ.

И теперь въ государствахъ съ разнороднымъ населеніемъ какъ Россія охотиѣе обращаются къ нѣмцу въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ требуется аккуратность и пунктуальность; ищутъ татарина

если нуженъ человѣкъ умѣющій ходить за лошадей и чутко понимать ее нравъ; желая приобрести вещь изящную, устроенную со вкусомъ, отправляются во французскій магазинъ; для пѣнія и живописи ищутъ итальянской школы, и, наконецъ, для разгульной жизни общество цыганъ. Примѣры эти можно бы было развѣивать до бесконечности, поэтому останавливаясь на приведенныхъ, я укажу что и въ растительномъ мѣрѣ исторія и условія жизни лѣсовъ и степей различныхъ странъ наложили аналогичныя черты на ихъ составляющія растенія и результаты изученія нравовъ этихъ, освѣщенные данными землѣдѣнія, могли бы дать несомнѣнно громадныя результаты для хозяйства и садоводства. Всякое хозяйство есть маленькій мірокъ, государство, правителемъ котораго является владѣлецъ или его управляющій, причемъ не только люди, но и весь органическій мѣръ имѣнія этого являются его подданными—нерѣдко непокорными, зараженными революціонными, разрушительными инстинктами. Отъ владѣльца зависитъ регулировать эти силы, обогащать имѣніе свое элементами ему нужными и полезными или наилучшимъ образомъ утилизировать тѣ, которыя находятся въ его распоряженіи.

Какъ съ людьми, онъ, смотря по роду дѣла, выберетъ то человѣка отличающагося смѣтливостью и проворствомъ, то человѣка медлительнаго, но трудолюбиваго и постояннаго, такъ и въ мѣрѣ растительномъ онъ долженъ отнестись весьма не одинаково къ различнымъ представителямъ этого царства. Если ему нуженъ ясень—далеко не все равно какой ясень онъ выберетъ. Если ему нужно дерево, которое не боялось бы морозовъ, которое быстро дало бы ему тѣнь, образовало бы хорошіе стволы—онъ для нашего климата предпочтетъ бѣлый американскій ясень (*Fraxinus americana alba*); но если онъ не-прочь подождать нѣсколько больше времени, лишь бы получить болѣе плотную прямую древесину на подѣлки, онъ предпочтетъ туземный *F. excelsior*.

Тоже и съ виноградомъ. Свойства нашего винограда и его качества хорошо извѣстны. Однако болѣе осторожный хозяинъ, чтобы гарантировать себя отъ филлоксеры предпочтетъ привить лозу свою къ корню *Vitis labrusca*, привыкшему къ болѣе суровой природѣ американскаго лѣса и закрѣпившей корни свои корою, недоступною для рта этого заклятаго врага *Vitis vinifera*.

Наконецъ, чтобы не бояться суровой зимы онъ сдѣлаетъ

опытъ съ амурскою лозою *Vitis amurensis*, воспитаннаго въ условіяхъ еще болѣе тяжелыхъ какъ въ современномъ, такъ и въ историческомъ прошломъ.

Какъ въ тяжелой скудно оплачиваемой работѣ никто не можетъ конкурировать съ китайцемъ, такъ для негодной солончковой почвы годится лишь Кендырь *Arosynum venetum*, дающій гораздо лучшія чѣмъ конопляныя волокна тамъ, гдѣ отказываются расти всѣ прочія хозяйственныя растенія.....

Я не буду увеличивать числа примѣровъ; ихъ достаточно, чтобы показать, что знаніе историческаго прошлаго и современныхъ условій жизни различныхъ растительныхъ государствъ и изученіе свойствъ ихъ гражданъ, являющихся результатомъ воздѣйствія названныхъ факторовъ, могутъ дать и даютъ уже весьма плодотворныя результаты.

Спрашивается, гдѣ же можно видѣть этихъ представителей, наблюдать за ихъ особенностями и свойствами? Очевидно, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, какъ въ научно-организованныхъ ботаническихъ садахъ. Но естественно вмѣстѣ съ тѣмъ, что такого рода сады должны быть организованы совершенно иначе чѣмъ прежніе. Въ „системахъ“ сажались и разводились виды, интересовавшіе лишь съ морфологической точки зрѣнія, разводились характернѣйшіе представители различныхъ семействъ и родовъ.

Напротивъ, чтобы садъ удовлетворялъ вышеназваннымъ цѣлямъ, надо, чтобы въ немъ разводили не требующихъ сложнаго ухода представителей этихъ семействъ, но характерныхъ представителей ботанико-географическихъ царствъ и ихъ провинцій, представителей растительныхъ государствъ, прожившихъ различную отъ нашего исторію и управляемыхъ другимъ порядкомъ вещей, нежели нашъ.

Растенія должны быть расположены не по системѣ, но по возможности такъ, какъ группируются они въ своихъ княжествахъ или формаціяхъ, въ видѣ степи, если это формы степныя; лѣсными группами—если они взяты изъ лѣса.

Ставя ихъ въ условія, близкія къ природнымъ, легко будетъ наблюдать ихъ нравы, привычки и свойства и пользоваться ими по усмотрѣнію.....

Говоря о рациональности организаціи такихъ садовъ, этимъ самымъ я вовсе не хочу отрицать надобности въ т. наз. систематическихъ садахъ. Какъ организація этихъ послѣднихъ не мог-

да упразднить садовъ лекарственныхъ, а они и доселѣ существуютъ наряду съ ними, также точно и „системы“, удовлетворяя требованіямъ научной ботаники, навсегда должны остаться неотъемлемой принадлежностью университетскихъ садовъ. Но, какъ новыя требованія науки вызываютъ и появленія новыхъ учреждений, такъ и фито-географическіе институты должны необходимо возникать при университетскихъ старой организаціи садахъ.

Спрашивается, однако, почему до сихъ поръ мы видимъ такихъ садовъ такъ мало?

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Всякая новая идея лишь постепенно получаетъ право гражданства; ей приходится бороться не только съ рутинною, но еще иногда и съ прямою невозможностью осуществленія; такъ было и съ садами.

Большинство университетскихъ садовъ, помѣщаясь среди города *слишкомъ стѣснено*, чтобы *помимо* уже устроенной и занимающей не мало мѣста системы они могли расшириться настолько, чтобы дать мѣсто фито-географическому институту, который чтобъ вмѣстить въ себя типы лѣсовъ, степей, луговъ и др. растительныхъ формаций, даже того пояса среди котораго лежитъ университетъ, должны располагать многими десятинами.

Понятно, поэтому, что такіе институты могли возникнуть лишь при необыкновенно благоприятныхъ условіяхъ—если университетъ располагалъ не только мѣстомъ, но и лицами интересующимися географическимъ направленіемъ въ ботанической наукѣ. Поэтому мы видимъ институты эти лишь въ весьма немногихъ заграничныхъ университетахъ. Хорошо организованы они лишь въ Вѣнѣ и отчасти въ Цюрихѣ и Бреславлѣ. Благодаря энергіи извѣстнаго географа растений *Кернера* Вѣнскій университетскій садъ содержитъ довольно богатую коллекцію *типовъ* растительныхъ формаций умѣренныхъ поясовъ земнаго шара и гуляющій, ходя по этомъ саду, постепенно переходитъ отъ альпійской флоры Андъ или Гималаевъ къ преріямъ Америки или степямъ юга Россіи, а оттуда въ лѣса антарктической области Новаго Свѣта или въ Сибирскую тайгу и т. д. Онъ, посѣщая садъ съ весны до осени, можетъ наблюдать какъ относятся къ мѣстному климату эти представители батаническихъ формаций, столь удаленныхъ отъ насъ странъ, насколько представители эти пригоднѣе туземныхъ. Наблюдая жизнь ихъ весною и осенью онъ можетъ видѣть, что можетъ *степь* американская дать для Венгерской пущы и нѣтъ ли въ

тайтъ Сибири пригодныхъ для австрійскихъ лѣсовъ и парковъ деревьевъ.

Сравнивая ботаническій садъ города Вѣны съ тѣмъ, которымъ обладаетъ Харьковскій университетъ, нельзя не видѣть что этотъ послѣдній находится въ условіяхъ въ тысячу разъ болѣе благоприятныхъ. Здѣсь мы имѣемъ не только весьма обширную территорию, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможное для Вѣны разнообразіе условій почвы и рельефа, одно изъ необходимѣйшихъ данныхъ для хорошаго фито-географическаго института.

Врядъ ли какой не только Европейскій, но и любой изъ русскихъ университетскихъ городовъ обладаетъ совокупностью условій столь благоприятныхъ для водворенія естественныхъ ассоціацій растений умѣренного пояса, какъ Харьковскій садъ съ его разнообразіемъ почвъ и его положеніемъ въ области перемѣннаго климата, гдѣ мягкость юга и суровость сѣвера, сухость пустынь востока и влажное дыханіе запада перемѣшаны въ его непостоянной погодѣ, давая возможность для различныхъ цѣлей пользоваться то тѣмъ, то другимъ изъ свойствъ этого непостояннаго климата.

Наша полоса Россіи болѣе чѣмъ какая-либо другая нуждается въ такого рода учрежденіи. До сихъ поръ въ вопросахъ культуры и акклиматизаціи мы были рабами запада, перенимая оттуда все, что тамъ вводилось, не дѣлая съ своей сторвы никакихъ попытокъ помимо Нѣмцевъ, Французовъ или Англичанъ поискать въ другихъ странахъ чего-либо болѣе подходящаго для нашего климата. Если въ Россіи дѣлались такого рода опыты, то только на окраинахъ ея—въ Петербургѣ, въ Крыму но очень мало на ея юго-востокѣ.

А, между тѣмъ, для культуры края попытки эти имѣли бы громадное значеніе. Не только любитель садовъ, но и хозяинъ практикъ, гуляя въ такомъ саду, наблюдая какъ относятся къ климату и почвѣ нашей представители прерій, лѣсовъ и степей другихъ странъ, могъ бы выбирать изъ нихъ то, что по его мнѣнію полезно для его дѣла—и тогда, какъ на западѣ, такъ и у насъ полезная для мѣстной культуры растительность обогатилась бы не одною сотнею новыхъ и полезныхъ видовъ. Скажу болѣе, собраніе въ ихъ естественной группировкѣ туземныхъ формъ было бы не лишено практическаго интереса и пользы.

Наша цѣлиная степь съ ея богатою флорою исчезаетъ безъ

слѣдно на нашихъ глазахъ. Есть теперь много деревень, не говоря уже о городахъ черноземной Россіи, жители которыхъ не видали даже ковыля—растенія сыгравшаго столь видную роль въ образованіи той почвы, которая кормитъ многомилліонное наше населеніе! Какая масса другихъ чудныхъ растеній, придававшихъ такую поэтичность нашимъ южно-русскимъ степямъ, видъ которыхъ наложилъ столь своеобразную печать на характеръ и творчество южно-русскаго народа, исчезнетъ не позже какъ въ нынѣшнемъ столѣтіи навсегда съ лица степи, такъ какъ плугъ и борона, разъ они пройдутъ по цѣлинѣ, навсегда губятъ этихъ сыновъ независимой некультурной степной жизни. Неужели лишь въ однихъ гербаріяхъ и должно остаться сыновьямъ напоминаніе о природѣ воспитавшей ихъ отцевъ? Неужели всѣ эти виды, неиспробованные практикою, такъ и исчезнутъ съ лица земли, не сказавъ намъ о свойствахъ имъ присущихъ? Цѣлые уѣзды юго-восточной Испаніи живутъ приготовленіемъ бумаги изъ волоконъ Эспарто—*Stipa tenacissima*. А пробовалъ ли кто утилизировать многочисленные виды *Stipa* нашихъ степей?

Не есть ли обязанность мѣстныхъ ботаническихъ садовъ сохранить для потомства всѣхъ вымирающихъ представителей мѣстной флоры, въ надеждѣ что это послѣднее лучше воспользуется ими, нежели ихъ отцы и дѣды?

Всѣ эти мысли бродили у меня въ головѣ, когда по предложенію факультета Харьковского Университета я взялся за новое для меня дѣло—завѣдыванія верхнею частью нашего сада. Мнѣ тогда показалось, что лучшее назначеніе, которое ему можно было бы дать, это превратить его въ фито-географическій институтъ по образцу хотя бы Вѣнскаго и дать имѣющую значеніе для мѣстнаго края коллекцію растительныхъ типовъ флоръ странъ со сходнымъ съ нашимъ климатомъ, дабы садъ нашъ явился какъ бы новымъ музеемъ, гдѣ были бы собраны степи, лѣса и ихъ представители изъ разныхъ странъ, не исключая и родного отечества.

Меня смущало въ этомъ предпріятіи одно: всякій музей, мѣстный, общественный не можетъ быть дѣломъ одного лица, даже одного учрежденія. На это у него не хватитъ ни средствъ, ни энергіи. Исторія всѣхъ большихъ музеевъ и подобнаго рода учреждений на западѣ показываетъ, что они являются результатомъ дѣятельности всего общества, участіемъ своимъ содѣйствовавшего ихъ обогащенію, разширенію и порядку.

Исходя изъ этого убѣжденія я рѣшился и въ данномъ случаѣ обратиться къ Харьковскому обществу съ просьбою помочь въ этомъ, какъ мнѣ казалось, для всего края полезномъ дѣлѣ.

И могу, къ чести этого общества, сказать: оно не осталось глухимъ моему воззванію.

Не смотря на ничтожную сумму, на которую существуетъ Университетскій садъ—1200 р., отпускаемая городомъ, сумма болѣе половины которой уходитъ на содержаніе сторожей, а остальное на ремонтъ, благодаря пожертвованіямъ гг. Н. К. Срединскаго, И. И. Каразина, Измаильскаго, Грикке, Бера въ Кременчугѣ, С. П. В. Бот. Сада, Гордѣнко, г. Базарова въ Крыму, благодаря любезности Л. В. Рейнгарда, предоставившаго въ мое распоряженіе свои питомники, гдѣ у него было разведено множество различныхъ породъ для сада, г. городского головы, дозволившаго воспользоваться содержимымъ городскимъ управленіемъ питомникомъ—нашъ садъ имѣетъ въ настоящее время коллекцію болѣе нежели изъ 500 различныхъ деревьевъ и кустарниковъ, и если только отношеніе гуляющей публики къ посаженнымъ растеніямъ будетъ надлежащее и сочувствіе къ начатому дѣлу не ослабнетъ, можно надѣяться, что къ концу будущаго года садъ будетъ имѣть коллекцію всѣхъ уже введенныхъ въ культуру въ нашей полосѣ Россіи деревьевъ и можно будетъ приступить къ болѣе интересной и важной его задачѣ—акклиматизаціи новыхъ представителей и устройству тѣхъ естественныхъ формаций, начало которыхъ мы надѣемся положить въ ближайшемъ будущемъ, устройствомъ образцовой *степи* и *преріи*.

Отъ отношенія публики къ новому учрежденію, отъ охраненія ею отъ порчи и кражи злоумышленниками вводимыхъ вновь видовъ и отъ ея содѣйствія только что начатому дѣлу всецѣло зависить будущность новаго учрежденія.

А. Красновъ.